

В.И.ДАЛЬ

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

7

Владимир Иванович Даль

Говор

Владимир Иванович Даль

Говор

Лет тому с десяток сидели мы в тверской деревне моей с добрыми соседями в саду, под навесом (а у меня вокруг дома сделан широкий навес, сажени в три), пили чай не торопясь, курили трубки и балагурили. Беседа подошла к народному говору, который различается так резко и ясно для привычного уха не только в разных губерниях и уездах, но даже иногда в близких, соседних полосах. Разве лихо возьмет литвина, чтоб он не *дзекнул*? Хохол у *саду* (в саду) сидит, *в себя* (у себя) гостит; и по этому произношению, как и по особой певучести буквы *о*, по надышке на букву *г*, вы легко узнаете южного руса; курянин *ходить* и *видить*; москвич *владеет* и *балагурит*, владимирец *володаети бологурит*; но этого мало: в Ворсме говорят не так, как в селе Павлове, и кто наострит ухо свое на это, тот легко распознает всякого уроженца по местности. [1]

– Не совсем я на это согласен, – сказал один из гостей моих, – воля ваша, а вы опять сели на своего конька. Другие поддерживали моего противника: они соглашались, что у нас есть различие в говоре по губерниям или, вернее, по полосам, что особенно реки обо-

значают пределы этих наречий, но утверждали притом, что по говору нельзя определить верно даже губернии, не только округа, что произношение в народе нашем какое-то общее, грубое, с небольшими оттенками, под Москвой на а, под Костромой на о, но вообще довольно неопределительное, шаткое, произвольное, что к нему нельзя применить и нельзя сделать по нем никаких верных заключений. Мнение это они подкрепляли еще тем, что, например, в Шенкурске находим почти белорусское произношение, а в Новгородской губернии весьма близкое к малорусскому, но что при всем том собственно в Велюкороссии все говоры эти сливаются более в один, и в этом одном оттенки не довольно значительны и точны.

На дворе пробежал дождичек, и опять проглянуло солнце; дорожки в саду были усыпаны каким-то илистым песком и сделались скользкими. Плотник, идучи мимо нас с доской – я строил беседку, – поскользнулся и чуть было не упал; я оборотился к нему и спросил:

– Что ты?

– Ничего, – отвечал он, прибавив к этому еще одно только слово, оправился, отряхнулся и пошел далее.

– Поверите ли вы мне на слово, господа, – сказал я, – что два плотника, которые у меня работают со вчерашнего дня, наняты в помощь моим не мною, что я их не видал, не говорил с ними доселе ни слова и что вот теперь, при вас, первый раз слышу, какой у этого человека голос?

– Коли вы говорите это, то поверим, – отвечали те, – почему ж нет?

– Ну, вы слышали, что он мне отвечал; скажите ж мне, откуда он?

Один недослышал, другие уверяли, что плотник отвечал только: «Ничего, скользко», и не брались вывести из этого никакого заключения.

– Это новгородец, – сказал я, – держу какой хотите заклад, и притом из северной части Новгородской губернии. А почему? Да потому что он сказал не *скользко*, а *склёзко*.

Пошли и спросили – вышло так.

Гости мои посмеялись этому случаю, потом начали подшучивать и наконец, по врож-

денному в нас духу сомнения, стали намекать, что едва ли я не подшутил над ними насчет моего знания народных наречий; они считали невероятным, чтоб я не знал, откуда пришли ко мне в дом плотники, а также не совсем похожим па дело, чтоб по одному слову *склёзко* узнать северного новгородца.

– Воля ваша, господа, – сказал я, – но мне случалось это уже не десять раз и на веку моем, и я очень редко ошибался. Впрочем, я соглашусь в том, что собственно говор или произношение вернее указывает нам родину, чем то или другое слово, но иногда именно одного только слова достаточно, чтоб решить вопрос.

В это время доложили мне, что пришли два старца с сборною памятью [2]. Я уже слышал об них; они разъезжали несколько времени по нашему уезду и обратили на себя по разным обстоятельствам некоторое внимание. Они вошли; один был старичок хворого вида и молчаливый, а другой молодец собой и красавец, ловкий, бойкий, но, впрочем, держал себя также очень прилично. Я их посадил, начал спрашивать и удивился с пер-

вого слова, когда молодой сказал, что он вологжанин. Я еще раз спросил: «Да вы давно в том краю?» – «Давно, я все там». – «Да откуда же вы родом?» – «Я тамодий», – пробормотал он едва внятно, кланяясь. Только что успел он произнести слово это – *тамодий* вместо тамошний, как я поглядел на него с улыбкой и сказал: «А не ярославские вы, батюшка?» Он побагровел, потом побледнел, взглянулся, забывшись, с товарищем и отвечал, растерявшись: «Не, родимый». – «О, да еще не ростовский!» – сказал я, захохотав, узнав в этом «не, родимый», необлыжного ростовца.

Не успел я произнести этих слов, как вологжанин мне бух в ноги: «Не погуби!...»

Под монашескими рясами скрывались двое бродяг с фальшивыми видами и сборною памятью; мой ростовец был сидельцем на отчете, унес выручку и бежал. В раскольничьих скитах нашел он пристанище и доселе шатался по разным местам, собирая подаяние.

Это приключение рассмешило и утешило моих гостей; тут уже подлог с моей стороны был невозможен, и они убедились в основательности моих познаний по части отече-

СТВЕННОГО ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ.

Примечания

Впервые – «Отечественные записки», 1848, том 61, кн. 3, в цикле «Картины из русского быта», за подписью: *В. Даль*.

Название цикла, как сообщал впоследствии В. И. Даль, было дано А. А. Краевским, редактором «Отечественных записок».

[^^^]

...распознает всякого уроженца по местности... – Биограф Даля П. И. Мельников-Печерский сообщает такой случай, относящийся к периоду служебной деятельности В. И. Даля в Нижнем Новгороде:

«Чтобы показать, до какой степени Даль изучил местные говоры, достаточно рассказать следующее: Владимир Иванович не любил бывать в больших обществах, на балах, вечерах и обедах, но, находясь на службе, иногда должен был являться на официальных обедах и т. п. Однажды он был на таком обеде в загородном доме. Приехав по некоторому недоразумению в приглашении на дачу рано, он застал хозяев еще в суете и хлопотах. Дело было летом. Чтобы не мешать хозяевам, он вышел в палисадник, а тут за решетчатым забором собралось несколько нищих и сборщиков на церковное строение. Впереди всех стоял белокурый, чистотелый монах с книжкой в черном чехле с нащитым желтым крестом. К нему обратился Даль:

– Какого, батюшка, монастыря?

– Соловецкого, родненький, – отвечал монах.

– Из Ярославской губернии? – сказал Даль, зная, что «родимый», «родненький» – одно из любимых слов ярославского простолюдина.

Монах смутился и поникшим голосом ответил:

– Нету-ти, родненький, тамо-ди в Соловецком живу.

– Да еще из Ростовского уезда, – сказал Владимир Иванович.

Монах повалился в ноги...

– Не погубите!...

Оказалось, что это был беглый солдат, отданный в рекруты из Ростовского уезда и скрывавшийся под видом соловецкого монаха» («Русский вестник», 1873, том 104, стр. 289 – 290).

Впрочем, Н. Г. Чернышевский скептически относился к сообщениям о столь превосходном знании Далем всех местных наречий русского языка, что он будто бы «по выговору каждого встречного простолюдина отгадывает не только губернию, не только уезд, но даже местность уезда, откуда этот человек» (ре-

цензия Н. Г. Чернышевского «Картины из русского быта» Владимира Даля, 2 т., СПб., 1861).

[^^^]

2

Сборная память – письменное уведомление, извещение относительно сбора денег.

[^^^]